

Марина
СЕРОВА

Бес в ребро

ЭКМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЕР

Марина Сергеевна Серова
Ядовитая паутина
Серия «Телохранитель
Евгения Охотникова»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=166865
Бес в ребро. Ядовитая паутина: Эксмо-Пресс; М.: 2000
ISBN 5-04-005864-0*

Содержание

* * *

4

Конец ознакомительного фрагмента.

47

Марина Серова

Ядовитая паутина

* * *

Все же как порой неожиданна и непредсказуема наша жизнь! Воистину, пути господни неисповедимы! Как порой самые казалось бы рядовые и обыденные вещи и явления могут поворачиваться к нам совершенно неожиданной стороной. Побывав не в одной горячей точке бывшего Союза и за его пределами, я уже мало чему удивлялась. Но могла ли я предположить, что такое мирное и безобидное занятие, как преподавание иностранного языка, может потребовать от меня знаний и умений телохранителя и детективных способностей?!

...Я лежала в тени на розовом песке городского пляжа и нежилась под легким речным ветерком. Медленно и лениво лето перевалило за середину. Раскаленное солнце уже не первую неделю безраздельно властвовало на безоблачном небе и успело за это время превратить город в некое подобие гигантской сауны. Близился август – время отпусков, и солнце немного сбавило свой чересчур уж жаркий пыл. Очертания домов и деревьев вдалеке стали четкими и не колебались, подобно миражам, из-за поднимавшихся вверх верти-

кальных потоков нагретого воздуха. Но днем улицы города по-прежнему были почти безлюдны. И хотя изнуряющая жара уже отступила, а ближе к вечеру от реки тянуло приятной свежестью, деловая жизнь практически застыла или, во всяком случае, существенно сбавила свои обороты.

Естественно, что самым прямым образом это коснулось и меня. После обучения в закрытом учебном заведении, сокращенно называемом «Ворошиловкой», и нескольких лет спецкомандировок в составе отряда «Сигма» по горячим точкам, включая Афганистан и Ближний Восток, я так же, как некоторые мои подруги, ушла из него. Сейчас многие из нас занимались кто чем, а я оказалась в Тарасове – крупном, почти с миллионом жителей, городе в центре России. Жила я у тети и зарабатывала на хлеб, работая независимым частным телохранителем, о чем свидетельствовала выданная местной администрацией лицензия, гласившая, что «...Охотниковой Евгении Максимовне разрешена частная охранный и розыскная деятельность...». Работала я успешно и уже имела определенную известность и неплохую репутацию в так называемых соответствующих заинтересованных кругах, об этом сами за себя говорили отметки на лицензии о продлении сроков ее действия.

Недостатка в клиентах я не испытывала и даже иногда могла позволить себе, что называется, воротить нос, то есть отказывать. Но жара и наступивший сезон отпусков загнали рынок охранных услуг в глубочайшую депрессию, и предло-

жений на работу не было. Поэтому после нескольких недель безуспешного ожидания я поддалась общей отпускной тенденции и устроила себе летние каникулы.

Я нежилась и подрумянивалась на пляже, резвилась в воде, беззаботно гуляла в парках и с аппетитом поглощала мороженое под зонтиками многочисленных летних кафе. Одним словом – отдыхала. И заодно восстанавливала внутренние запасы адреналина, который, когда придет время работы, выплеснется в кровь, заставит быстрее стучать сердце и сокращаться мышцы, а когда опасность останется позади, обеспечит то самое неповторимое состояние особого блаженства и внутренней истомы, из-за которого, если разобратся по существу, многие идут работать в спецназ, милицию, прыгают с парашютом, занимаются альпинизмом. Другие люди добиваются того же самого водкой, наркотиками, сексом и называют это чувство отходняком. Но ни одно из этих развлечений не может сравниться с тем состоянием, которое возникает после преодоления смертельной опасности.

Мне двадцать восемь лет, и, несмотря на бурное прошлое, я пока не испытывала тяги к спокойной тихой жизни; по-видимому, мой жизненный запас адреналина еще не был израсходован окончательно.

В этот день, вернувшись с пляжа, я почти с порога сбросила летние сандалии и шорты и уже собралась пойти в ванну, чтобы подставить голову и спину под прохладные струйки душа, как вдруг неожиданно заметила на лице тетушки Ми-

лы таинственную улыбку и загадочный блеск в глазах. Она шла ко мне из кухни и очень походила на добрую бабушку, собравшуюся побаловать любимую внучку чем-то необычайно вкусным. Такого блеска в ее глазах я не замечала уже давно. Уж не влюбилась ли она и теперь торопится поделиться со мной этим радостным известием? Ну что ж, это и не мудрено при таком избытке солнечной активности.

– Женечка, – остановила она меня у двери в ванну, просто сияя вся изнутри.

– Да, тетушка, – ответила я и приготовилась снимать куртку.

– У меня для тебя отличная новость, – так же загадочно продолжала она.

– И какая же?

Неужели мои глупые догадки оказались правдой? Тетушка сделала лицо еще более загадочным, для усиления эффекта выдержала небольшую паузу и, наконец, выпалила почти на одном дыхании:

– Валерий Павлович работает в Танзании!

Валерия Павловича она почти боготворила. В свое время тете собирались делать большую и очень сложную операцию, исход которой был три к одному, причем, не в ее пользу. Валерий Павлович был начальником отделения в этой больнице и чуть ли не силой забрал ее практически с операционного стола. Затем он несколько суток не отходил от нее и сумел выходить. И, как выяснилось, оказался прав: диагноз

был ошибочен, и операция для тети стала бы просто путевой на тот свет. С тех пор тетя Мила постоянно звонила ему, поздравляла со всеми праздниками и днями рождения.

– Представляешь?! Валерий Павлович работает в Танзании! – повторила она, желая, по-видимому, чтобы я поглубже прониклась значимостью этого известия.

Я, если и прониклась, то явно, на тетин взгляд, недостаточно глубоко. Но после пляжной неги у меня было радостно-игривое настроение, и я, не желая расстраивать Милу невниманием к ее кумиру, сделала радостно-изумленное лицо, слегка подалась к ней и воскликнула:

– Правда?!!

Однако не удержалась и добавила, уже смеясь:

– И кем же? Танзаном? Или, точнее, Тарзаном?

Тетя на мгновенье смутилась, не сразу поняв шутку, а поняв, наверное захотела сказать что-то не очень лестное про мои школьные отметки по географии, но радостное возбуждение так переполняло ее, что она просто не стала терять на это время.

– Женья, – произнесла она с недоуменной укоризной, – Танзания – это такая страна в Африке. При этом она махнула в сторону окна, как бы показывая, что где-то там, в той стороне, за окном, есть такая Африка с неизвестной мне Танзанией и боготворимым ею Валерием Павловичем.

Где была Танзания, я великолепно знала. И не понаслышке. Однажды мне пришлось побывать в Восточной Африке

в составе «Сигмы» как раз на границе Танзании и Кении.

– Он был там три месяца по линии какой-то ООНовской организации и нашел себе работу на год в хорошей частной клинике.

Я была рада за спасителя моей тети, хотя и не разделяла ее бурного восторга: наверное, невозможно забыть пятидесятиградусную жару при восьмидесятипроцентной влажности, когда просто физически нельзя пропотеть и, как следствие этого, чуточку остыть. Создавалось ощущение, что ты находишься в резиновом мешке. А если добавить к этому девственные джунгли, кишасие тропическими инфекциями и населенные современно вооруженными, но подчас дикими народностями, которые до сих пор поедают печень убитого врага, чтобы заполучить его силу, то картина становилась не столь радужной. Впрочем, ближе к побережью все менялось и приобретало практически европейски цивилизованный вид, увенчанный стопятидесятилетним столичным университетом. Тем не менее, связь между Валерием Павловичем, Танзанией, мной и тетушкиной радостью по этому поводу по-прежнему оставалась для меня загадкой.

– Так вот, – продолжала тетя, – ты не знаешь самого главного – у него есть сын!

– Да? И от кого же? От местной черной женщины?

Как мне было известно из западного «Сексуального путешественника по странам мира», если бы не почти пятидесятипроцентная пораженность населения СПИДом, страны Во-

сточной Африки своей фантастической дешевизной и жарким темпераментом чернокожих женщин оставили бы Таиланд – столицу мирового секс-туризма – далеко позади.

Тетя рассмеялась.

– Да нет, Женя. Ребенок у него абсолютно нормальный и даже, – тут она приняла мой шутливый тон, – от белой женщины, которая по странному стечению обстоятельств, к тому же, является его женой.

– Это надо же!?! Чего только не бывает в жизни, – прикидочно вздохнула я.

Теперь глаза тети перестали улыбаться, лицо стало серьезным, а затем приняло просяще-умоляющее выражение.

– Женя, я, конечно, в курсе того, что ты сейчас отдыхаешь, но ты же знаешь, как я обязана Валерию Павловичу, – начала она, преданно заглядывая мне в глаза.

Разумеется, я знала, и подтвердила это ленивым кивком головы.

– Так вот, он хотел бы попросить тебя, чтобы ты позанималась с Андреем, – тут она запнулась и взяла бумажку с записью, – сулашили.

– Суахили, – поправила я.

– Да, да! – обрадованно закивала Мила и, как будто боясь, что я сразу откажусь, стала торопливо приводить все аргументы «за»: – Он хороший умный юноша, знает английский, ты ведь уже какое-то время ждешь клиента, а тебе прилично заплатят. Ты же понимаешь, что сейчас все преподаватели

в отпуск... И, вообще, в этом городе ты, возможно, единственная, кто знает сула... суахили.

– Суахили, – снова поправила я ее.

Это на самом деле могло быть так. Переводчиков суахили в стране действительно не очень много. В «Ворошиловке» языковая подготовка была весьма серьезной, и ее выпускники – все без исключения – стали полиглотами. Хорошее знание одного восточного языка и приличное владение вторым были просто обязательными. Знание же пяти-шести европейских считалось само собой разумеющимся. Вместе со своей подругой по учебе в качестве первого мы выбрали суахили, а вторым – арабский. Причем главным аргументом, решившим выбор, были ее слова, что в Африке мы будем «белыми людьми», а у арабов останемся лишь «недостойными басурманскими женщинами». Впрочем, арабский впоследствии также пришлось усовершенствовать, но только уже не в учебном классе.

– Он очень способный юноша и будет старательно заниматься, – торопясь сказать мне все, прежде чем я войду в ванну, скороговоркой продолжала тетя, – он учится в университете... на психолога! – наконец торжествуя закончила она с таким видом, как будто последний аргумент должен был просто сразить меня наповал.

Сейчас вся обстановка и тетин вид страшно напомнили мне сцену из отличного советского вестерна «Белое солнце пустыни», где красный командир Рахимов уговаривает Су-

хова взять под свою опеку гарем: «Ну, пойми же ты наконец: сейчас, может, на двести верст вокруг никого наших нету». И я, как Сухов, уже зайдя в ванну и сбросив купальник, ответила:

– Это точно...

Сидя в ванной и наслаждаясь струйками прохладной воды, я думала об одном из вечных русских вопросов: ну почему, если не всегда, то, по крайней мере, очень часто, когда человеку что-то необходимо – этого нет, а стоит ему расхотеть – так, пожалуйста, – бери, не хочу? Сидишь – ждешь клиента – мертвая тишина, устраиваешь себе каникулы – и работа тут же сама идет к тебе. Хотя и не по основному профилю. Но любой имеющийся навык, в том числе и знание суахили, всегда стоит поддерживать в форме: неизвестно, что ждет тебя завтра за поворотом судьбы. Так говорил один из инструкторов «Ворошиловки», сам в прошлом резидент в одной ближневосточной стране. Он находил время для поддержания «в теле» такого, казалось бы, бесполезного в мусульманском мире навыка, как умение показывать карточные фокусы. Затем, получив ранение, вернулся на родину и учил курсанток «Ворошиловки» игре в бридж, покер, преферанс и разным шулерским приемам, которые сам называл «мультиками». Кстати, именно его уроки помогли мне позднее распутать одно дело в крупном казино, и благодарный хозяин сверх гонорара предоставил мне свободный вход, бесплатный коктейль и десять фишек на вечер в любой день.

А Валерий Павлович был прав, и я могла убедиться в этом на личном опыте, — часто даже плохой суахили в Африке оказывался предпочтительней хорошего английского. Видимо, он не зря провел там три месяца. К тому же, мы могли прекрасно изучать язык, не прерывая моего отдыха: пусть юноша ходит со мной и осваивает его на практических примерах пока нашей, а не африканской действительности. В общем, выйдя из ванной, я уже внутренне дала согласие. Естественно, абсолютно не предполагая, во что может, при определенных обстоятельствах, вылиться летнее изучение африканского языка в обычном российском городе.

Прошло несколько дней...

— Женья, — сказала Мила уже от дверей, — пойду посижу немного на улице.

— Хорошо, тетя, только возьми ключи — я скоро уйду, — ответила я из комнаты.

Я открыла шкаф, достала необходимые принадлежности для грима и затем придирчиво осмотрела их. Отобрав все, что необходимо, остальное положила обратно. После нашего недавнего разговора с тетушкой и звонка Валерия Павловича я окончательно согласилась дать несколько уроков языка его сыну Андрею. Валерий Павлович был очень вежлив и даже галантен — насколько это возможно по телефону (теперь я могла понять тетину влюбленность), и предложил за уроки цену почти в два раза превышающую обычную. Поговорив затем с Андреем и выяснив, что он имеет несколько про-

стенских учебников, я дала ему домашнее задание и предложила для первого практического занятия встретиться сегодня в городе, чтобы не мешать сборам и отъезду родителей.

Я подошла к телефону и набрала номер Андрея. Он взял трубку практически сразу, как будто ждал этого.

– Ну как? Ты готов сегодня? – спросила я.

– Конечно.

– Ну, что ж, отлично. Кстати, есть ли у тебя права?

– Да, – недоуменно ответил он, – а это обязательно?

– Прихвати их с собой, ладно? – ничего не объясняя, попросила я. – Сегодня начнется твое первое погружение в языковую среду.

Затем я подошла к зеркалу и приступила к работе. В «Ворошиловке» одним из профилирующих предметов было умение гримироваться, и я в нем сумела достичь, говоря без лишней скромности, очень неплохих результатов. По словам инструктора, я была лучшей в нашей группе. «Хамелеон» – так называли меня, и я очень гордилась этим прозвищем. Сняв одежду, я покрыла все тело специальным водоустойчивым кремом нежно-шоколадного оттенка. Затем немного потрудились над лицом и критически взглянула на свою работу в зеркало. Оттуда на меня смотрело отражение молодой и, по-моему, довольно симпатичной мулатки. Конечно, это была не совсем женщина восточно-африканского типа, скорее она напоминала темнокожую девушку с островов Карибского бассейна. Но кто здесь мог знать такие тонкости? Как

правило, все выходцы из стран Азии и Африки для русского человека были на одно лицо. Да и повода к серьезной маскировке не было. Не желая мучить лишний раз волосы, я решила обойтись без парика и только слегка завила их феном.

— Ну, что ж, получилось весьма неплохо, — сказала я сама себе, еще раз бросив оценивающий взгляд в зеркало, — в такую хорошенькую шоколадку можно и влюбиться.

— «Да будь я и негром преклонных годов, и то без притворства и лени...», — почему-то не совсем к месту всплыли у меня в голове строчки Маяковского — учить, как раз, мы собирались не русский.

Я надела короткую светлую майку, шорты, темные зеркальные очки, повесила на плечо сумочку и, сунув ноги в легкие летние кроссовки, вышла из квартиры. У меня было по-детски игривое настроение и желание подурачиться, да и мой ученик пускай поглубже «въезжает» в ожидающую его действительность. Не без оснований я полагала, что теперь моя внешность должна существенно облегчить ему данный процесс.

На лавочке у подъезда сидела тетя Мила и о чем-то говорила с соседкой. При моем появлении разговор неожиданно смолк, и они проводили меня долгим взглядом. Пройдя мимо, боковым зрением я заметила, что тетя по-прежнему сидит с открытым ртом, а соседка втихаря крестится, беззвучно шепча губами что-то типа «свят, свят, свят».

Я села в свой подержанный «Фольксваген» и выехала на

улицу к киоску, у которого меня уже ждал Андрей. Я узнала его практически сразу, точнее, догадалась. Несмотря на свои двадцать четыре года, он выглядел несколько моложе и, по-видимому, представлял из себя будущий тип рассеянного ученого наподобие Паганеля из «Детей капитана Гранта». Ну что ж, как говорится, в психологию чаще всего приходят люди, имеющие собственные проблемы в этой сфере. Наверное, сначала они пытаются разобраться в чужих проблемах, чтобы потом легче было решать свои собственные.

Я проехала немного вперед, остановилась и посигналила ему. Он обернулся, быстро подошел, открыл дверь и наполовину уже сел, когда его взгляд встретился с моим лицом. Он тут же застыл, словно каменный, и его рот медленно раскрылся в изумлении. Я приветливо улыбнулась. Он же в ответ неожиданно дернулся, испуганно выпрямился, ударился головой об потолок и, схватившись за ушибленное место, снова плюхнулся обратно на сиденье.

– Ну, нельзя же так, Андрей, – засмеялась я. – Неужели я такая страшная? И для начала – здравствуй!

– Здравсьте, – на «автопилоте» ответил он.

– На, возьми-ка деньги и сходи купи бланк доверенности на машину в «Союзпечати», – протянула я ему мелочь.

– Ага, – неуверенно произнес он.

Но мелочь взял и, как зомби, пошел к киоску напротив. Вернулся он, уже практически полностью придя в себя.

– Здравствуйте, Евгения Максимовна, – сказал он, протя-

живая бланк. – Знаете, а отец не сказал, что вы – ... африканка.

– Нет, Андрей, – засмеялась я, – «мы с тобой одной крови – ты и я». И поэтому сейчас мы напишем доверенность на тебя, и вести машину будешь ты.

– Почему?

– А потому, что я еще не успела поменять фотографию на своих правах, и мне будет несколько затруднительно объяснить это, если наша доблестная ГИБДД заинтересуется поддержанной иномаркой с мулаткой за рулем. Объяснить я, конечно, смогу, но, боюсь, что они мне не поверят. Кстати, надеюсь – ты не забыл свои права?

– Не-ет, – протянул он, уже восхищенно глядя на меня.

Мы поменялись местами и тронулись с места. Было решено отправиться на набережную и продолжить урок там. О том, что урок уже начался, я объяснила ему по дороге. Выслушав доводы в пользу моей нынешней внешности – как начало погружения в будущую языковую среду, он стал смотреть на меня почти влюбленными глазами и даже слегка приоткрыв рот. «Когда тебя слушают, открыв рот – это приятно...», – сразу вспомнились мне слова известного эстрадного артиста.

Для места первого занятия решено было выбрать небольшое уличное кафе в конце набережной под тенью старых каштанов. Места, разрешенного для парковки, поблизости не оказалось, и нам пришлось оставить машину на обочине

дороги около небольшого старого парка и дойти до набережной через несколько темных проходных дворов. Я взяла парня под руку и сказала:

– Ну все, Андрей: для начала забудь русский вообще, по крайней мере, со мной. Во-вторых, говорить станем только на суахили, а если что-то будет непонятно – спрашивай на английском.

– А это обязательно, сразу вот так? – растерянно спросил он.

– Да, Андрей. Есть такой жестокий, но действенный метод научить человека плавать – бросить его в воду. А там либо – пан, либо – пропал.

– А если я пропаду?

– Будем надеяться, что тебе удастся выплыть. В противном случае просто произойдет естественный отбор. Или, проще говоря, закон джунглей – выживает сильнейший.

– Итак, ты понял меня? – спросила я уже по-английски.

– О'кей, – задумчиво произнес он в ответ.

Мы гордо, рука об руку, зашагали по набережной. Точнее, гордо шагала я. Андрей был явно смущен. Похоже, несмотря на довольно симпатичную внешность и замечательную, немного детскую улыбку, у него были трудности в общении с противоположным полом. Вот и первый намек на психологические проблемы будущего специалиста по общению.

По дороге нам встретилось несколько пар и одиноких молодых людей, и каждый из них обращал на меня внимание,

к явному неудовольствию женских половин, а один просто откровенно уставился, рискуя свернуть шею. Ну что ж, мужским вниманием я еще не обделена. Я была вполне удовлетворена произведенным эффектом. Буду надеяться, что это – заслуга моей фигуры и прочих достоинств, а не необычного для этих мест цвета кожи.

В кафе мы сели за дальний столик, и я с удовольствием вытянула ноги. Молоденькая официантка подошла к нам, бросила взгляд на меня и затем с интересом посмотрела на Андрея. Она была явно озадачена и не знала, как относиться к нашей паре и к кому обращаться. Я по-английски передала свой заказ Андрею: сухой «Мартини» и минеральная вода, а он его – официантке. Сам же заказал себе кофе. Из приемника за стойкой бойкий голос задорно пел: «Милый мой, твоя улыбка...». Я посмотрела на Андрея. Он улыбнулся в ответ. Его улыбка была очень красивой и чуточку наивной. Словом, она как раз подходила под несущуюся из радио песенку. Его улыбка действительно манила, по крайней мере, меня.

– Ну, с чего мы начнем? – озвучил он по-английски свой вопросительный взгляд.

– С самого начала – с ругательств.

– С чего? С ругательств?

– Да. Во-первых, это хорошо отражает дух нации. Так, в английском ругаются названиями животных, в немецком – сравнивая с человеческими отходами и другой грязью.

– А в русском?

– В русском у нас есть свой неопределенный и о-очень многозначительный артикль «бля», который мы употребляем довольно произвольно.

Подошедшая официантка, услышав единственное произнесенное мною русское слово, вздрогнула, и кофейная чашечка на ее подносе звякнула от неожиданного толчка. Она торопливо переставила все с подноса на столик и быстро ушла, бросив в мою сторону несколько неодобрительных взглядов через плечо. Скорее всего, она приняла услышанное в свой адрес. Что ж, наверное, у нее были основания для подобных подозрений.

По дороге мимо кафе проехал мотоцикл.

– Во-вторых, ты там сам скоро убедишься, что это – очень полезный навык, и умело, к месту вставленное ругательство на суахили в речи белого человека производит очень сильный эффект. И, потом, тебе это придется делать часто.

Вдруг мой внутренний сторож, или интуиция, или шестое чувство – называйте это, как хотите, неожиданно напрягся. У меня это случается, когда чужой взгляд вонзается в спину, и этот взгляд враждебен. Мой внутренний сторож иногда представлялся мне черным котенком, который шипел и выгибал спину. Сейчас он не успел толком выгнуться, а только вздыбил шерсть. Затем свернулся клубочком и улегся где-то глубоко в душе. Все продолжалось очень недолго, но это было. Я быстро обернулась. Мотоциклист притормозил недале-

ко от нас и смотрел на меня, точнее, сквозь меня. Его взгляд был устремлен на Андрея. Он снова набрал скорость и поехал дальше. По-видимому, в двигателе мотоцикла была какая-то неисправность, от чего он слегка позвякивал и создавал тем самым легкий непривычный тон. Впрочем, я не придавала всему этому никакого значения. Мы продолжали.

Первое выражение, с которым я решила познакомить Андрея, приблизительно переводилось как «бегемот, выпивший слишком много тухлой воды». Он старательно повторял его за мной.

– Ну, как? Получается? – спросил он по-английски.

– По-английски, во всяком случае, ты уже говоришь, как настоящий африканец, – засмеялась я.

– Так я к ним и еду, – весело ответил он. – Смогу я там сойти за своего?

– Конечно! Только тебя придется намазать ваксой или сапожным кремом.

Мы сидели, упражняясь в суахили и остроумии, пока не начало темнеть, и язык Андрея стал заметно заплетаться. Что ж, на первый раз вполне достаточно. Мы расплатились, встали и пошли к оставленной машине. Я, как прежде, взяла его под руку. После вечера, проведенного вместе, его прикосновение стало чуточку теплее и более уверенным. Мы прошли через дворики и вышли к парку, когда шаги Андрея как-то замедлились. Затем он совсем остановился и, смущаясь, сказал:

– Спасибо, Евгения Максимовна. Когда мы встретимся в следующий раз?

– А ты уже покидаешь меня?

Кажется, мой вопрос окончательно смутил его. Он опустил глаза и неуверенно произнес:

– Я собираю материал для диплома, и мне надо тут, недалеко, встретиться...

Он говорил это с таким видом, как будто был вынужден врать, и данное обстоятельство чрезвычайно его огорчало. Неужели я ошиблась, и он собрался отправиться на свидание, только стесняется сказать мне об этом? Неужели я уже старею и теряю былую легкость? Эта мысль немного расстроила меня.

– Ну, задание у тебя есть. Позвони, когда будешь готов.

– Хорошо.

Мы попрощались. Он пошел обратно через дворики, а я некоторое время постояла на месте, что называется «в растрепанных чувствах». Мои мысли, как маленькие черные мышки, скачками и зигзагами носились в голове и искали выхода. Я тряхнула головой, собирая их в одно место, и уже намеревалась подойти к машине, как странный звук из подворотни привлек мое внимание.

Мой черный котенок в душе опять вскочил, выгнулся и яростно зашипел. Интуиция подсказывала близкую опасность. Я повернулась и быстрым шагом пошла обратно. Пройдя мимо мусорных баков и повернув в первую арку, я

увидела четверых довольно здоровых парней и моментально оценила обстановку: произошла потасовка, и Андрею удалось даже задеть одного из них – тот стоял, прикладывая руку к щеке. Но силы были явно неравны. Один, с ежиком темных волос, крепко держал его сзади и душил, обхватив предплечьем горло. Двое стояли сбоку, а державшийся за щеку – спереди. Все происходило внутри арки, прохожих никого не было, так что позвать на помощь было некого. Впрочем, это было совершенно излишне.

Передний оторвал ладонь от щеки и завизжал каким-то срывающимся животным визгом:

– Ну че, козел?! Попался!!!

Затем, коротко размахнувшись, ударил Андрея по лицу. Видимо, за несколько секунд до моего появления он получил аналогичным образом и теперь мстил с животной злобой, наслаждаясь беспомощностью жертвы. Голова Андрея мотнулась от удара в мою сторону, и он, увидев меня, попытался вырваться, но тут же был придушен сильнее. Тот, что был спереди, проследил его взгляд и обернулся в мою сторону.

– А ну вали отсюда, сучка! – закричал он мне.

Я молча ускорила шаг. Слышать угрозы мне было не в диковинку. Тогда он сунул руку в карман и резко выпрямился во весь рост, уставившись на меня маленькими, прозрачными, как студень, глазами. Тупое выражение микроцефала проступило на его лице. Сейчас он уже мог рассмотреть ме-

ня и, выхватив ладонь из кармана, закричал:

– Убью, тварь черножопая!

Занося руку для удара, он ринулся вперед на меня. Не прекращая движения, я слегка повернула корпус и быстро, но плавно подтолкнула его руку в сторону, изменив общее направление удара. Вместо моей головы его кулак встретил пустоту, и он, не в состоянии остановиться и удержать равновесие, со всего маху влетел кулаком, а затем и лицом, в стену. От удара брызнула кровь и что-то хрястнуло с противным болезненным звуком. Выпавший кастет жалобно звякнул об асфальт.

Парень сполз по стене и наконец осел на землю. На нем была черная майка с изображением насквозь проткнутого кинжалом черепа и английской надписью «лучше смерть, чем позор». Он сел, откинув голову на стену и, видимо, потеряв сознание. В наступивших сумерках проткнутый череп и английская «смерть» бледно отсвечивали серым цветом, как надгробная эпитафия.

Не прерывая движения, я успела сделать еще несколько быстрых шагов в том же направлении, когда второй, резко подавшись всем телом вперед и выдвинув челюсть, словно спринтер, рванул ко мне. «Ххх-а», – вылетело из его горла. В своем воображении он, видимо, рисовался себе кем-то вроде крутого Уокера. Я резко выбросила навстречу ему левую руку раскрытой ладонью вперед. Он, с разбегу ткнулся в мою ладонь лицом. С таким же успехом он мог попробовать про-

таранить столб. Воинственное «хха» не успело вылететь далеко изо рта и влетело обратно, запутавшись в зубах. От резкой остановки его голова мотнулась назад, но тело продолжало по инерции лететь вперед. В результате он грохнулся передо мной на колени и откинулся плашмя всем телом назад и вниз на землю, даже не поняв, что с ним произошло. Я задержалась лишь на мгновение и затем, оттянув носок, картинно перешагнула через него.

Одновременно с его падением третий верзила, который стоял перед Андреем, напрягся в коленках и, как по сигналу стартового пистолета, рванул прочь. Ну что ж, после этого позорного бегства я осталась один на один с последним громилой, душившим Андрея сзади. Ситуация, прямо скажем, не из лучших. Особенно, если учесть валявшийся недалеко кастет: вполне можно было предположить наличие у него какого-нибудь другого оружия – ножа или заточки, приставленных к спине Андрея.

Амбал словно услышал мои мысли, растерянно-удивленное выражение его лица сменилось наглой ухмылкой. Сбоку от Андреева плеча появилось широкое лезвие и стало демонстративно медленно приближаться к его шее. Расчет нападавшего был точен и верен: телом Андрея он прикрывался от меня, как щитом, а сбоку его закрывала стена. Через мгновение нож будет вплотную приставлен к шее жертвы. Впрочем, нападавший не учел одного очень существенного момента: стоявшая перед ним чернокожая девушка на самом

деле являлась Евгенией Охотниковой – профессиональным телохранителем с хорошим боевым опытом.

Его неосведомленность была моим преимуществом, и воспользоваться им нужно было немедленно. Теперь настала моя очередь издавать боевой клич. Необходимо было отвлечь его внимание и успеть обезоружить в течение этого короткого мига. Существовало два пути: внезапно крикнуть, но он, наверняка, на взводе и от неожиданности мог сделать резкое движение и поранить Андрея, второй – попытаться заговорить с ним, но тогда он успеет вплотную приставить нож к горлу, а по его лицу нельзя было сказать, что он склонен вести какой-либо диалог. К тому же, он мог быть просто обкурен или обколот. Все это в считанные доли секунды пролетело у меня в голове и выдало ответ: «Никаких переговоров с подонком!!!» Тут же само собой возникло решение: кричать, но не так, как это обычно делают женщины.

Моя гортань сжалась, легкие с нарастающей силой погнались через нее воздух, и на выходе получился какой-то по-настоящему африканский звук, наполненный девственной дикостью, бесконечной ненавистью и звериным торжеством. Наверное, со стороны я была похожа на черную дикую кошку перед прыжком. Во всяком случае, цели я достигла. По его мгновенно побледневшему лицу я поняла, что он испуган. В то же мгновение я с места прыгнула вперед и резко выбросила вверх левую ногу.

Носок легкой летней кроссовки ударил точно по основа-

нию его ладони. Пальцы разжались, и, бешено кувыряясь, нож полетел в сторону. Но я продолжала лететь вперед, и Андрей был первым у меня на пути. Я, словно кошка, извернулась в воздухе, повернулась вокруг своей оси и левой рукой, как крылом ветряной мельницы, ударила противника по затылку. В целом, получилось что-то напоминавшее киношный удар Ван-Дамма. Только Клод бил ногой, заранее отретировав, а я – рукой и экспромтом.

Громила оказался в явном нокдауне, но горло Андрея не отпустил. Пришлось схватить его руку и заломить ее ему за голову. Все. Теперь можно слегка расслабиться. Парень был в классическом положении для броска, имеющего загадочное восточное название «ши хо наге», что означало «бросок на все четыре стороны света», и я могла его выполнить в любое время, в любом месте и в абсолютно любом состоянии. Этот прием позволял, держа противника только за кисть руки, легким нажимом поворачивать его в любую сторону от себя, чтобы закрываться как щитом и, в конце концов, действительно бросить в любую сторону.

– А-а-а-с-а, – затянул он на высокой ноте, пытаясь ослабить напряжение в вывернутой кисти.

– Что, больно, да? – с притворной заботой в голосе спросила я.

– А-а-а-с-с-а, – продолжал он, лишь совсем чуть-чуть изменив тональность в сторону повышения.

– Ты, наверное, хочешь сказать, что больше не будешь? –

издевательски осведомилась я тем же голосом.

– С-с-с-а-у-у-к-а-а, – корчась, пропел он, не переставая извиваться и пытаясь вырваться.

Какой же настырный и противный народ эти мужики! Нет чтобы честно, с достоинством признать свое поражение! Так, нет – мужская гордость не позволяет им признаться в том, что побежден женщиной.

В этот момент, придя в себя после неудачного рывка, второй нападавший начал подниматься на ноги. Да и первый – в майке с черепом и гордым лозунгом «Лучше смерть, чем позор» – стал подавать признаки жизни. Я нажала еще раз на кисть последнего верзилы и, невзирая на его усилившееся завывание, повернула так, чтобы все трое оказались на одной линии, а затем действительно бросила его на «одну из сторон света». Точнее, в сторону оставшихся дружков. Его кроссовки лихо описали в воздухе пологую дугу, а корпус, грохнувшись, как пыльный картофельный мешок, снова посбивал на асфальт подельщиков. Парень был самым высоким и тяжелым в своей компании и поэтому, падая, подмял всех под себя и образовал бестолковую куча-мала. В общем, картина – «Лев Толстой играет в городки». И, естественно, выигрывает.

В противоположной стороне арки появилась сгорбленная напряженная фигура какой-то старушки. Она остановилась, посмотрела слепыми глазами через толстые стекла очков и вдруг, заголосив, бросилась обратно. Ну вот, сейчас подни-

мет шум или начнет названивать в «Скорую», милицию или еще черт знает куда. К тому же существовал четвертый – улизнувший тип, и вполне вероятно, что он побежал за подмогой. В общем, было бы лучше побыстрее отсюда уйти. Как говорится в известной поговорке – «главное в нашем деле – это вовремя смыться».

Андрей сидел на корточках, прислонившись к стене. Я быстро подошла к нему, взяла за руку и рывком подняла на ноги.

– Ты как? – спросила я.

– Вроде ничего, – вяло ответил он.

Наверное, его хорошенько придушили – лицо оставалось багровым от неуспевшей отхлынуть крови, и он, видимо, еще не мог соображать нормально.

– Идем, – я устремила к машине, почти таща его за руку.

Впрочем, на полпути он уже пришел в себя и шел рядом со мной сам.

– Ты способен вести машину?

– Да, наверное.

– Тогда – вперед!

Я отдала ему ключи и пропустила к передней дверке. Мы завелись и без приключений тронулись с места. Стало уже почти темно. Андрей вел машину уверенно, но по напряженной позе и сжатым пальцам мне было видно, что это происшествие достаточно сильно потрясло его. Я попросила его повернуть на окружную дорогу, где не было постов ГАИ, и

остановиться. Достав из бардачка аптечку, сделала примочку со свинцовой водой на начинавшую опухать и багроветь щеку моего подопечного. Затем мы снова поменялись местами. Я села за руль и, бросив взгляд на Андрея, звонко рассмеялась.

– Ты чего? – удивленно посмотрел он на меня. – Да ничего, – продолжала смеяться я, – просто «ну и рожа у тебя, Шарапов».

Мне удалось отвлечь его от переживаний, и он улыбнулся в ответ.

– Ты их знаешь? – спросила я.

– Нет.

– Хорошо, а теперь, для закрепления, вспомни, что мы учили, и скажи о них все, что думаешь, – предложила я. Мало ли что и по каким причинам может произойти между молодыми парнями!

Наступила небольшая пауза, во время которой Андрей напряженно сосредотачивался на своих мыслях. Затем набрал в грудь воздуха и быстро выпалил на суахили почти без акцента:

– Бегемоты, выпившие слишком много тухлой воды!!!

– Отлично, коллега! Вы делаете потрясающие успехи. Как учитель, я горжусь вами!

До его дома мы ехали без приключений и весело переругивались на суахили. Очень скоро Андрей совсем освоился и произносил слова, как заправский абориген.

Дом, в котором жил Андрей, находился почти на окраине города. Я остановилась на обочине дороги, прямо напротив арки.

– Ну что? Пока?

– Да, до свидания, – неуверенно протянул он.

Его явно мучил какой-то незаданный вопрос. Помявшись немного, он наконец сказал:

– Спасибо, Евгения Максимовна. За все... А откуда вы умеете так ловко... Ну, я имею в виду тех парней?

Так вот, что так сильно мучило его!

– Не бери в голову. Просто я когда-то закончила в Москве курсы телохранителей и иногда этим подрабатываю.

– Ке-ем? Телохранителем?!

– Ну да. Разве ты не знал?

– Не-ет.

Огонек восхищения, уже один раз появлявшийся сегодня в его глазах, загорелся вновь. И он снова улыбнулся своей замечательной, чуточку детской и наивной улыбкой. Затем вышел из машины и пересек дорогу.

Я приготовилась уже трогаться с места, как неясное, глубокое и тревожное чувство, словно высоковольтные провода, загудело внутри меня. Черный котенок интуиции вновь напрягся. Я выпрямилась. Посмотрела в окно. Андрей почти перешел дорогу и скоро должен был шагнуть на тротуар. Я оглянулась назад. Из-за угла дома выехал мотоцикл и резко набрал скорость. Он двигался в нашу сторону. Естественно,

я не могла разглядеть его водителя. Только неопределенный темный силуэт. Яркий свет вспыхнувшей фары быстро пронзил темноту и сразу угас. И шум двигателя. Шум... Шум! Моя мысль словно поскользнулась на чем-то и затем резко выбросила меня из машины на дорогу. Этот шум, точнее легкое позвякивание, я уже слышала сегодня на набережной, и тогда мой «котенок» тоже предупреждал меня!

Я бросила взгляд вперед – спина Андрея слегка вырисовывалась в темноте на краю дороги. Он спокойно шел, не оборачивался и ничего не подозревал. И не мог подозревать. Я уже твердо знала, что мотоцикл едет на него! Я отчаянно крикнула. Андрей затормозил свое движение и стал медленно поворачиваться. Слишком медленно!!! Мотоцикл был совсем рядом и вот-вот должен был его сбить.

Я резко рванулась вперед. Все вокруг перестало существовать, кроме фигуры Андрея и переднего колеса мотоцикла. Время застыло и оглохло, как телевизор с выключенным звуком. Я летела, словно брошенная катапультой. Это было чудо. Во всяком случае, я потом никогда не могла объяснить успех своего прыжка. А сейчас я, в буквальном смысле слова, пролетела перед самым рулем мотоцикла и успела резко толкнуть Андрея в спину. Он вылетел на газон, а я кубарем покатила за ним. От соприкосновения с землей снова включились звуки мира и оглушили меня ревом мотоциклетного двигателя. Водитель не собирался мириться с неудачей и разворачивал своего железного коня на второй

круг. Я вскочила и снова прыгнула ему навстречу. И наверняка сбила бы его с седла, но он вовремя дернулся в сторону, и я вместо этого полетела на дорогу. Приземление не было мягким, но что-что, а падать я умела и не боялась.

Мы больше опасаемся своей боли, чем страдаем, испытывая ее. Этот страх сковывает нас и загоняет в шок. Почти всегда при травмах люди гибнут не от «несовместимых с жизнью повреждений», а от шока, отец которого – страх. Сколько раз многие из нас видели, как пьяный человек оставался жив там, где трезвый обязательно погибал! А все потому, что пьяный не боится, он принял лекарство против страха заранее.

Я не боялась – меня отучили от этого еще в «Ворошиловке». Отлично помню первое упражнение – падение на стуле назад. Инструктор сидел на высоком стуле, прижавшись к спинке, и раскачивался все сильнее и сильнее. При этом он философски рассуждал, обращаясь то ли к нам, то ли сам к себе: «А чего мы боимся, в самом деле? Ведь пол не так уж далеко... и если падать назад, то спинка стула не даст нам сильно ушибиться... а голова инстинктивно подогнет-ся сама... и если сзади нет торчащих предметов или ямы, то страшного в этом абсолютно ничего нет». Заканчивались слова сильным качком назад и специально усиленным грохотом падения на пол – инструктор имел мощную фигуру и вес около ста килограммов. Впрочем, он тут же поднимался с широкой улыбкой циркового акробата.

Я быстро вскочила на ноги и приготовилась встретить новое нападение. Но, видимо, мотоциклист понял, что в этот раз может не увернуться и решил не искушать больше судьбу. Набирая скорость, он помчался в сторону окраины. Я подбежала к лежавшему на газоне Андрею. Мой толчок и его падение были слишком резки и неожиданны для него. Он медленно сел и посмотрел на меня диковатыми глазами нокаутированного боксера:

– Евгения Максимовна, что это было?

– Все хорошо, Андрей, – ответила я, быстро ощупывая все его кости и суставы, – просто тебя хотели сбить, но все обошлось.

– Почему?

– Почему обошлось?

– Нет, почему меня хотели сбить? Что им от меня нужно?

– Ну, мне кажется, ты должен знать это лучше меня.

Вспомни, кому ты насолил до такой степени.

– Я не знаю. У меня никогда не было ничего похожего.

– А о чем вы говорили в арке?

– Они ничего не сказали, кроме того, что я наконец-то попался. Точнее, не успели больше ничего сказать – появились вы.

– А-а, значит, я прервала беседу в самом начале, и теперь ты даже не знаешь, что их интересовало, – философски констатировала я.

– Это не страшно. Не укоряйте себя. Думаю, что вряд ли

они хотели осведомиться, почем нынче хлеб в Тамбове или что-нибудь в этом роде, – попытался пошутить Андрей.

– Видимо, мне стоило слегка подзадержаться: тогда бы мы знали, чего они хотят.

Однако пора уже было идти домой. Я помогла парню подняться, отряхнуться и поправить одежду. Затем заперла машину и проводила его до дверей квартиры. Квартира находилась на восьмом, предпоследнем, этаже дома, лифт уже не работал и пришлось идти пешком.

Жилище Андрея было совершенно обычной «двушкой» со следами недавних сборов в дорогу: в коридоре и в одной из комнат стояло несколько огромных турецких синтетических сумок, наполненных, видимо, вещами, подлежащими последующей отправке. Такие сумки пользовались бешеной популярностью у челноков и за свою потрясающую вместимость назывались «мечтой оккупанта». Уловив направление моего взгляда, Андрей пояснил:

– Это, в основном, зимние вещи, которые надо отвезти к деду в Озерск. Вы же знаете, я скоро тоже уеду, квартира пустая. Дед, конечно, будет приезжать поглядывать за ней. Но все же...

Я, конечно, понимала, что шуба в Танзании выглядела бы несколько экстравагантно и поэтому в знак согласия утвердительно кивнула головой.

– Евгения Максимовна...

– Зови меня просто Женя, – перебила я его. Нам предсто-

яло встречаться еще не один раз, и эти условности начинали мне надоедать.

– Женья, – слегка запнувшись, начал Андрей, – что вы... или надо на «ты»?

– Не только – надо, а можно и нужно, – улыбнулась я. Все-таки он был симпатичным, и его вежливая непосредственность очаровывала. Не исключено, что в будущем он будет так же галантен, как его родитель, Валерий Павлович.

– Женья, можно я вас, то есть тебя, угощу кофе?

– Конечно, можно. Но сначала я бы предпочла ванну или душ.

– Конечно, конечно, – засуетился Андрей и пошел показывать мне ванну, а затем принес из комнаты халат.

В ванной я достала из сумочки тюбик со специальным кремом, смазала им все тело и встала под теплые струйки душа. Окрашиваясь в светло-коричневый цвет, вода смывала мою негритянскую «кожу». Я намочила волосы, высушила их полотенцем и затем взглянула в зеркало. Я снова была собой – двадцативосьмилетней Женей Охотниковой, девушкой, на которую все еще заглядывались на улицах мужчины. Запахнув халат, я вышла из ванной и прошла в комнату. При моем появлении сидевший в кресле Андрей вновь раскрыл рот, как и при первой нашей встрече в машине.

– Что? В черном варианте я выгляжу лучше? – поинтересовалась я.

– Нет. Женья, вы такая... – после этого он промычал что-

то неопределенное и сделал рукой в воздухе волнообразный жест, который, по-видимому, на его взгляд, с самой лучшей стороны должен был охарактеризовать все мои женские достоинства.

Ну что ж, не совсем красноречиво, но, учитывая пережитое им сегодня, весьма недурно. И довольно приятно. Я села в соседнее кресло, взяла чашку с приготовленным во время моего пребывания в ванне кофе и сделала глоток необычайно ароматного напитка. Андрей старательно избегал встречаться со мной взглядом, но я замечала, что украдкой он поглядывал на меня. Однако он не только рассматривал мою новую – настоящую внешность, но и явно хотел что-то спросить.

– Жень, ты можешь сказать что-нибудь про все это? – наконец начал он, после краткого обмена ничего не значащими фразами.

– А что именно тебя интересует?

– Ну, почему все это происходит.

– Андрей, ты, конечно, можешь связать все сегодняшние злоключения с моим появлением. Но я вроде бы еще никому не приносила несчастья. Даже наоборот – многих только спасала от неприятностей именно такого рода.

– Нет, не подумай, я не хочу сказать, что все из-за тебя. Ты ведь дважды помогла мне. Без тебя я, наверняка, очутился бы в больнице, а не пил сейчас кофе, – горячо заговорил он. – Просто я подумал, что если ты работала телохранителем, то

сможешь мне что-нибудь подсказать. Например, из-за чего чаще всего происходят такие вещи.

– Если смотреть в корень, то причин всегда было всего три: власть, деньги, женщины.

– И какая из них может присутствовать в моем случае?

– Давай попробуем рассуждать методом исключения. Власть, скорее всего, не подходит – у тебя ее нет, и твоя смерть, или болезнь никому ее не добавит. Имеешь ли ты или имел девушку, за которую тебе могут мстить таким образом?

Андрей отрицательно покачал головой.

– Ну, если ты так категоричен по данному вопросу, – здесь я поймала себя на мысли, что ответ Андрея почему-то доставил мне удовольствие, – то...

Неожиданно воздух резко и неприятно взорвался телефонным звонком. Андрей встал, не спеша подошел к телефону в коридоре и взял трубку.

– Алло, – сказал он и добавил через секунду, – что вам от меня нужно?

Далее он не произнес ни слова. Я напряглась и, отставив чашку с кофе, вышла в коридор. Он стоял молчаливый и растерянный. Трубка в его руке издавала частые короткие гудки.

– Кто звонил? – спросила я.

Он молчал. Я подошла и положила ладонь на его плечо. Реакции – никакой. Пришлось резким движением хорошенько встряхнуть его.

– Он сказал, что это было последнее предупреждение, – наконец-то с усилием выдавил Андрей из себя.

– Кто он? – в очередной раз пришлось спросить мне.

– Не знаю, – в очередной раз ответил Андрей.

– Это все?

– Нет. Я спросил, что ему надо...

– Ну и?

– Он сказал, что если я не перестану корчить из себя идиота, они завтра поговорят со мной совсем по-другому.

– Женья, – смущенно посмотрев мне в глаза, начал Андрей после короткого неловкого молчания, – можно вас попросить о помощи? – он опять перешел на «вы».

– Что ты конкретно имеешь в виду?

– Не могли бы вы охранять меня?

Вообще-то, я была на каникулах, но не оставлять же сына спасителя моей тетушки в беде! Особенно, если представить, какое у нее будет лицо, когда она узнает о моем отказе. Да и если пойдет так дальше, я могу лишиться выгодного и, самое главное, уже оплаченного ученика. В общем, я была просто обречена на то, чтобы согласиться. Мы вернулись в комнату к столику с кофе.

– Итак, Андрей, ты хотел бы иметь в моем лице, кроме репетитора, еще и охранника?

– Да. Я, конечно, понимаю, что это стоит дороже уроков. Но отец оставил мне деньги. На мороженое, как он говорит. Юноша назвал оставленную ему сумму. Она была совсем

неплоха. Во всяком случае, мороженое ему в одиночку пришлось бы есть довольно долго.

– А почему так много? – поинтересовалась я.

– Ну здесь еще и на билет в оба конца, на непредвиденные расходы и на подарок мне ко дню рождения. Так вы согласны?

Я вновь представила умоляющее и огорченное выражение лица тети Милы, которое мне пришлось бы увидеть в случае моего отказа, и согласно кивнула в ответ. Обсуждение финансовых вопросов не заняло у нас много времени.

– Только давай договоримся, что теперь трубку буду брать я.

– Хорошо, – согласился он.

– Итак, начнем с самого начала, – продолжила я, беря чашку с уже остывшим кофе, – ты не знаешь, кто тебе звонил, кто нападал на тебя и кто – а, главное, за что – пытался тебя сбить на мотоцикле?

– Совершенно, – помотал он головой в ответ.

– Может, у тебя есть какие-нибудь догадки или предположения? – продолжала настаивать я.

– Никаких. А вдруг, это все – просто случайность?

– Мне очень жаль, Андрей, но, боюсь, что вряд ли. Согласно моему опыту, случайность имеет право на существование. Но в твоем случае явно просматривается закономерность. Непонятная пока ни тебе, ни мне. И эту закономерность необходимо понять. Значит, у тебя нет ни врагов, ни

повода, из-за которого кто-нибудь хотел бы тебе отомстить?

– Нет, – довольно уверенно заявил Андрей после короткого раздумья.

В коридоре снова зазвонил телефон. Правда, звук его не был столь резок, как в прошлый раз. Андрей подался с кресла вперед, чтобы подойти, но я остановила его жестом и встала сама. Подойдя к аппарату, я некоторое время не брала трубку, чтобы удостовериться, что звонок не прервется. Он не прерывался. Тогда я резко сорвала трубку и поднесла к уху. В трубке была лишь зловещая тишина.

– Ну, черт возьми, может, вы наконец скажете, какого дьявола вам надо? – на высоких тонах бросила я в трубку.

– Женья? Это ты? Что у вас случилось? – раздался наконец взволнованный голос тети Милы.

Удивлению моему не было предела. Мы тут сидим «на нервах», не зная, чего и откуда ожидать, как вдруг вместо таинственных угроз я слышу голос своей тети! Прямо сцена из французской комедии!

– Тетя!?! Да, это я. Но почему ты звонишь сюда?

– Женечка, разве ты не помнишь, что сегодня мы собирались поужинать вместе? Я приготовила свой фирменный торт. А что у вас там происходит? Тебя уже так давно нет. Я решила позвонить.

Ну что ж, тетушкина забота была необыкновенно трогательна. Причем, именно в данный момент.

– Ничего особенного, тетя. Просто теперь я работаю с Ан-

дреем по интенсивной программе. Это новая методика. Поэтому я буду пока подолгу задерживаться у него. Может, даже и по ночам.

– У вас точно все в порядке? – недоверчиво спросила тетя Мила еще раз.

– Ну конечно, – заверила я ее.

Ах, моя милая тетушка! Твоя племянница уже большая девочка. И уж что-что, а выпутываться из неприятностей давно стало ее профессией. Наверняка, Мила не совсем поверила мне, но мой уверенный голос вселил в нее некоторое спокойствие.

– Значит, ты не сможешь прийти на торт?

– Нет, тетя. Но если хочешь, мы придем завтра с Андреем.

Тетя Мила радостно согласилась. Я же вновь вернулась к нашему прерванному разговору с Андреем. Он никак не мог даже предположить о возможных причинах, которые могли бы привести к сегодняшним событиям. Власть и женщин мы уже отвергли, врагов он не имел, круг общения, в основном, ограничивался однокурсниками и касался, как правило, лишь тем психологии. Коммерческую деятельность он не вел, наследство ему не светило, при живом-то отце. Стоп! Отец... Может, в отце, точнее, в его новой работе заключается причина преследований сына?

– Андрей, а Валерий Павлович случайно не говорил тебе, какая у него зарплата? То есть, сколько он зарабатывает?

– Почему же? Конечно, говорил.

– И сколько? – поинтересовалась я.

Названная Андреем сумма месячного оклада по российским меркам была действительно впечатляющей. А ведь за границей, даже в Африке, широко практикуется система бонусов, то есть по-русски премий, и многих других льгот и выплат. Разумеется, это ни в коей мере не перекрывало риска подхватить тропическую лихорадку или еще какую-нибудь из «прелестей» африканского континента, но для русского доктора это было просто состоянием... И возможной причиной преследования его сына.

– А что? Ты полагаешь, что это и привело к сегодняшним событиям? – спросил Андрей.

– Ни ты, ни я не знаем ничего точно. Но на настоящий момент это – единственная более-менее правдоподобная версия. И твои деньги на мороженое тоже. Пока у нас нет ничего более существенного. И как долго тебе предстоит быть здесь? Я имею в виду до отъезда.

– Еще пару-тройку недель. Мне надо собрать материал для дипломной работы и завершить ее.

– Ну что ж, за пару-тройку недель мы, я думаю, сумеем разобраться и отвадить твоих врагов. Будем надеяться, что это были не совсем профессионалы. А теперь, наверное, нам обоим пора спать.

– Женя, а вы будете спать здесь? – от удивления его глаза широко раскрылись.

– Конечно. Иначе как же я смогу обеспечить твою без-

опасность? Не забывай о том, что им известно, где ты живешь, и что с завтрашнего дня тобой обещали заняться более серьезно.

Похоже, мои слова и перспектива совместного проживания смутили Андрея. Хотя не исключено, что ему пока не приходило в голову, что его могут «достать» в собственной квартире.

– Ну, если это так необходимо, – неуверенно, глядя вниз, начал он.

– Да, это действительно необходимо, можешь положиться на мой профессиональный опыт. Если ты думаешь, что я ограничу твою свободу, то можешь не беспокоиться – ты все будешь делать, как обычно, просто рядом незаметно буду находиться я. И если тебе будет необходимо кого-то пригласить, хоть на ночь, можешь делать это совершенно спокойно, не принимая меня во внимание.

Мне не впервые приходилось охранять людей, находясь рядом с ними круглосуточно. Каждый раз это воспринималось по-разному: от недопонимания – в начале – и негативной бурной реакции со стороны родственников и других близких, до отчаянного нежелания самого клиента отлучиться куда-либо без моего самого близкого присутствия. В общем, для меня это не было ново. Однако здесь, кроме обычного первого удивления, явно таилось что-то еще. Я не могла понять, что именно, а Андрей постоянно избегал прямого взгляда, и его «зеркало души» большую часть времени отра-

жало пол и ковер на нем, а не меня. Возможно, за этим что-то таилось. Впрочем, давно перевалило за полночь, и действительно неплохо было бы пойти спать.

– Итак, надеюсь, что я убедила тебя, и ты покажешь мне мое спальное место? – спросила я.

– Конечно, конечно, – снова засуетился Андрей. Мне даже показалось, что он рад такому повороту событий.

Мне было отведено место на диване в меньшей, довольно уютной комнате. Мы пожелали друг другу спокойной ночи и разошлись по своим койкоместам. Я выключила свет, подошла к окну, отодвинула штору и посмотрела наружу. Вместе с темнотой пришла приятная прохлада. Где-то далеко старательно заливалась трелью какая-то птица. Было необычайно хорошо, и из моей груди непроизвольно сам собой вырвался вздох. Недолго думая, я сняла с себя халат и всю остальную одежду. Я испытывала страстное желание лечь нагишом между двумя простынями. Состояние не очень-то подходящее для телохранителя при исполнении. Тем не менее, справедливо рассудив, что в случае необходимости майку и шорты я всегда успею быстро надеть, я положила их рядом, и с наслаждением вытянулась между двух простыней.

Сразу заснуть не удалось. События сегодняшнего дня упрямо продолжали лезть в голову. И хотя я, конечно, могла волевым усилием прекратить бег непослушных мыслей и заставить себя уснуть, но внутреннее чувство почему-то останавливало меня от этого шага. Мысли кружились в полном

беспорядке, как стая испуганных птиц. Они были неопределенно-бесформенными, но колючими, словно маленькие иголки. А одна, холодная и безмолвная, неподвижно затаилась в темном углу мозга. Она-то никак и не давала мне покоя. Почему Андрей часто избегает впрямую встречаться со мной взглядом? Что за этим кроется?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.